

Отзыв

Официального оппонента на диссертацию Закроевой Галины Андреевны «Поэтика сна в творчестве Б.Л. Пастернака», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Творчество Б.Л. Пастернака – явление очень сложного порядка, в котором соединяются и взаимопроникают элементы поэтики принципиально разных способов самовыражения, прежде всего – прозы и поэзии. Это касается не только романа «Доктор Живаго», но и более ранних произведений Пастернака, например, замысла романа в стихах «Спекторский», который является осколком большого прозаико-поэтического проекта, оставшегося не воплощенным. Попытка Г.А. Закроевой через образы сновидений, онейрические мотивы и сюжеты взглянуть на всё творчество Пастернака, выявить общие черты в использовании им одних и тех же приемов в лирике и эпосе, уловить общее в раннем творчестве и в последних его произведениях, увидеть за приемом сложное семантическое ядро, по-новому заставляющее прочитать привычные тексты – большая заслуга исследовательницы. Как кажется, в научной литературе о Пастернаке таких всеобъемлющих попыток еще не делалось. Отдельные наблюдения, которые принадлежат разным ученым, Галина Андреевна эффективно использует для построения и подтверждения своей концепции. В этом заключается новизна и актуальность ее работы, которые, как кажется, не требуют доказательств. В этом состоит несомненный вклад Г.А. Закроевой в современное пастернаковедение. Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что исследовательница не ставит своей целью просто выявить все разнообразие онейрических мотивов, сюжетов и образов и классифицировать их, ее интересует смысловое наполнение содержащих их текстов, их место в общей системе пастернаковского мировоззрения и творчества, их генезис и дальнейшее бытование в более поздних произведениях. Очевидно, что такой взгляд на творчество Пастернака – самый эффективный. Его поэтика отличается не только очевидной целостностью, но и исключительным единством как в плане содержания, так и плане выражения. Можно, например, сказать, что замысел романа «Доктор Живаго» Пастернак вынашивал на протяжении всей своей творческой биографии, начиная с 1920-х годов, но реализовал его в конце 1950-х. Стремление подойти к творчеству Пастернака диахронически, выявить

силовые линии его движения, используя онейрический текст как инструмент вскрыть важнейшие детали замыслов Пастернака и специфику его художественных приемов – ~~существенное~~ достоинство работы Г.А. Закроевой. Особенно хочется отметить главы, посвященные роману «Доктор Живаго», в которых выводы, сделанные ранее, начинают работать и приносить реальные плоды. Так, очень существенными кажутся нам дополнения к традиционному ~~анализу~~, которые были сделаны на основе предшествующих глав, ~~относящиеся к образам главных героев романа~~, в том числе функции образа Лары, ее роли в судьбах других персонажей, самого Юрия Андреевича Живаго.

Методология исследования ~~тщательно~~ проработана, приведенные классификации сделаны ~~даже с несколько излишней~~ дотошностью, теоретическая база основательна и достаточна для выполнения целей и задач, которые ставит перед собой диссертантка.

Работа Г.А. Закроевой не свободна от некоторых недостатков, большая часть которых выявлена нами в той части, которая касается анализа поэзии Пастернака. Некоторые выводы кажутся чрезвычайно смелыми и при этом плохо мотивированными. Пример из анализа стихотворения «Сон»: «Колокольный звон, отождествляющийся со сном лирического субъекта, можно сопоставить со звоном колокола в Пасхальную ночь, который возвещает воскрешение Христа. Если сон в стихотворении соотносится с прошлым и осенью, то пробуждение связано с рассветом и весной» (стр. 27). Почему звон колокола обязательно должен сопоставляться с Пасхальным звоном? Если же это допущение ~~откинуть~~, то ~~разрушится~~ и вся концепция анализа. В стихотворении нет мотива воскрешения.

При анализе стихотворения «Дурной сон» комментируется слово образ «небесного постника»: «постник в ~~значении~~ зодчего, плотника отсылает нас к образу создателя мира, Творца в человеческом облике, страдающего за род человеческий» (стр. 30). Небесный зодчий – это понятно. Но плотник не имеет прямого отношения к Творцу. Даже Христос не был плотником, а только Иосиф, его воспитавший. Сходная ~~ошибка~~ ~~связана со~~ стихотворением «Август»: «сновидение становится приемом выражения идеи преобразования или воскрешения, которая заключена в празднике Преображения Господня» (стр.36). В празднике Преображения нет идеи воскрешения, она содержится в другом христианском празднике – Пасхе. С этим связано, конечно, и содержание стихотворения, в котором нет воскрешения из мертвых, но есть преобразование, переход в иное состояние, особое осмысление смерти как

такого перехода, подтверждающее главный пастернаковский тезис: смерти нет.

Вообще анализ стихотворения «Дурной сон», в целом очень неплохой и действительно поясняющий сложный поэтический текст, может быть сделан и фактически делается исследовательницей без учета онейрической семантики. Автор вспоминает о том, что нужно говорить о сне только в начале и в финале своего анализа. Как кажется, замысел стихотворения легко выявляется и без учета поэтики сновидения.

Анализ стихотворения «Август» (С.35-36) зачем-то снабжен перечислением средств художественной выразительности, которые не отмечены никакими особенностями онейрического текста. Как кажется, такое перечисление малоэффективно при любой интерпретации. Собственно ее-то как раз и не хватает в первой главе диссертации – здесь о стихотворении «Август» сказаны самые общие слова. Впоследствии становится понятно, почему так происходит. «Август» и «Свадьба» впоследствии будут подробно разобраны в рамках третьего параграфа третьей главы, посвященной стихотворениям Юрия Живаго. Как кажется, ненужные повторы можно было бы легко устранить.

Вызывает сомнение, что стихотворение М.Ю. Лермонтова «Сон» стало претекстом практически всех лирических произведений Пастернака, в которых сон играет значимую роль. Может быть, стоило говорить о претекстовой модели: лермонтовский «Сон» становится идеальной для Пастернака моделью, когда он берется за сходную семантику или сюжет. Во всяком случае, так происходит, когда речь идет о модели «сон во сне». Как кажется, такое обобщение работало бы на значимость выводов и исключило бы невольную легковесность сравнения, не подтвержденного в каждом случае достаточными доказательствами (например, сходством семантического ореола метра)

На стр. 59 говорится о связи между сном и звуком, приводятся в пример два текста – «Венеция» (Я был разбужен спозаранку) и «Свадьба» (... в самый сон <...> вдруг запел аккордион), однако забывается о колокольном звоне из раннего стихотворения «Сон», которому раньше был посвящен отдельный фрагмент.

Есть логические ошибки или недостатки классификации, которые разрушают стройность выстроенной теории. Например, на стр.21 исследовательница, создавая свою классификацию сновидческих стихотворений, пишет:

«Первую группу составили стихотворения, в которых содержится онейрический текст. Вторую группу составили тексты, в которых сон – это сюжетообразующий мотив, ~~являющийся~~ отправной точкой для развития лирического сюжета». Далее, на стр. 24: «1. Центральными стихотворениями в онейропоэтике Пастернака являются стихотворения, заключающие в себе онейрический текст. Это такие произведения, как «Сон», «Дурной сон», «В лесу», «Баллада», «Морской штиль», «Сказка», «Август». И там же: «Стихотворения, в которых мотив сна является отправной точкой для создания лирического сюжета», – фактически те же самые с некоторыми добавлениями. Непонятно, случайная ли это ошибка или один и тот же поэтический текст может удовлетворять ~~разным~~ условиям? Это необходимо было пояснить.

Особенно много замечаний возникает при чтении параграфа «Мифопоэтика сна в лирике». Как кажется, множество мифологических мотивов, которые приведены в этой части, для Пастернака совершенно неактуальны. Во всяком случае, нет никаких доказательств, что Пастернак читал Джеймса Фрезера и для него имело значение отношение ко сну индейцев (стр.70). Если Мелетинский отмечает, что «детское мышление оказывается в некоторых отношениях сродни первобытному», то это еще не означает, что Пастернак чувствует так же (стр.77). Вообще в диссертации очень не хватает обращения к саморефлексии Пастернака, к его авторскому сознанию. Подтверждения таким концептам стоило бы искать в документальных источниках: письмах, автобиографических повестях, ~~мемуарах современников~~. В качестве значимого источника, не привлеченного исследовательницей, хотелось бы указать на переписку Пастернака с Цветаевой («Души начинают видеть»: Письма 1922-1936 гг. М., 2004), в которой пересказы друг другу сновидений и их последующий анализ составляют важную смысловую часть.

Очень искусственно выглядит выстроенная исследовательницей система стихотворений с темой сна: «Если минимальные темы, связанные со сном, расположить по частотности убывания, получится следующий тематический ряд: звук, вода, окно, ~~природа, женщина~~. В такой последовательности тем наблюдается отражение космогонического мифа. Сначала в мире рождается звук («В начале было Слово»), затем появляется вода, которая становится границей между мирами, далее в вещном мире окно также символизирует границу между реальным и ирреальным, именно через окно в поэтическом мире к лирическому субъекту проникает стихия природы, и этот мир природы не может существовать без порождающего начала – женщины, которая в мифологическом сознании имеет связь с ирреальным

пространством» (стр. 78). А если мы не станем рассматривать стихотворения по частотности убывания темы сна, то эта система будет мгновенно разрушена. Что же – необходимо предположить, что сам Пастернак делал это нарочно и закладывал именно в такую последовательность космогонический миф? Или он выстроился случайно? Между тем, космогонический миф у Пастернака, конечно, присутствует, и для вычленения его стоило бы прежде всего обратиться к ранним его стихотворениям сборника «Близнец в тучах». Было неплохо также привлечь философские конспекты Пастернака, которые в списке литературы не упомянуты (Lazar Fleishman, Hans-Bernd Harder, Sergei Dorzweiler. Boris Pasternaks Lehrjahre: Неопубликованные философские конспекты и заметки Бориса Пастернака. Stanford, 1996. В 2-х томах).

Не всегда ясен принцип отбора материала для анализа. Это касается преимущественно первой главы. Нигде не заявлено, это была попытка отобрать все тексты, так или иначе связанные со сном, и распределить их по трем группам, или стихотворения отбирались, так сказать, для примера, и выборка эта заведомо неполная. Скажем, не разобрано раннее стихотворение «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь», сюжет которого связан со сновидением героя. Нет также знаменитого фрагмента из романа в стихах «Спекторский», который просто направляется на анализ как яркий образец онейрического текста:

Не спите днем. Пластается в длину
Дыханье парового отопленья.
Очнувшись, вы очутитесь в плену
Гнетущей грусти и смертельной лени.

Несдобровать забывшемуся сном
При жизни солнца, до его захода.
Хоть этот день - хотя бы этим днем
Был вешний день тринадцатого года.

Не спите днем. Как временный трактат,
Скрепит ваш сон с минувшим мировую.
Но это перемирие прекратят!
И дернуло ж вас днем на боковую.

Вас упоил огонь кирпичных стен,
Свалила пренебрегнутая прелесть

В урочный час неоцененных сцен,
Вы на огне своих ошибок грелись.

Вам дико все. Призвание, год, число.
Вы угорели. Вас качала жалость.
Вы поняли, что время бы не шло,
Когда б оно на нас не обижалось.

Замеченные и названные здесь ~~недочеты~~ ~~несколько~~ не умаляют значимости представленной работы и носят ~~частный характер~~, не влияют на ее высокую оценку и научную значимость.

Автореферат и публикации в полной мере отражают содержание диссертации и положения, выносимые на защиту. Диссертационное исследование Галины Андреевны Закроевой полностью ~~соответствует~~ ~~требованиям~~ «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842), а его автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата ~~филологических наук~~ по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры
Литературно-художественной критики и публицистики
Факультета журналистики
ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова»
Сергеева-Клятис А.Ю.

Сергеева-Клятис Анна Юрьевна, Доктор филологических наук, профессор кафедры Литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

111020, Сторожевая улица, дом 22 к. 1 кв. 67

+79162880488

nnklt1@gmail.com